

Концепты экотекста в романе Т.К. Бойла «Занавес из тортильи»

Н. Ю. Жлуктенко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко; Киев, Украина
Corresponding author. E-mail: nataliazhl@hotmail.com

Paper received 27.01.19; Accepted for publication 06.02.19.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2019-190VII56-14>

Аннотация. Статья посвящена характеристике ведущих концептов экокритического анализа, их функций в структуре романа современного американского прозаика Т.К. Бойла «Занавес из тортильи». Доказано, что организующая роль в раскрытии морально-философских, в частности, экофилософских идей текста принадлежит концепту Апокалипсиса.

Ключевые слова: экокритика, экотекст, концепт, идиллия, апокалипсис, новый регионализм..

Цель исследования – определить специфику экотекста в современном романе, автор которого ориентируется на принципы экологического сознания и воплощает актуальные проблемы реального мира в экологическом контексте. Наибольший интерес к таким проблемам характерен для экологической критики – направления литературно-критического анализа, которое сформировалось в 1990-х годах и продолжает развиваться как самостоятельная критическая школа, а также взаимодействует с другими новейшими практиками характеристики литературного процесса.

Термин «экокритика» возник в Соединенных Штатах, где заменил понятие «environmental criticism», бытовавшее в дискурсе литературных кафедр некоторых американских университетов еще с 1960-х гг. Поначалу эта тенденция проявлялась в целенаправленном интересе исследователей к проблеме «человек и природная среда». В настоящее время ряды специалистов-гуманитариев, увлеченных экокритикой, растут, созданная ими Ассоциация литературных студий в сфере экокритики (ALSE) обеспечивает живой обмен идеями и появление новых сфер исследования, и участие экокритиков в образовательной и научной деятельности становится все заметнее.

Англоязычная экокритика по обе стороны Атлантики тесно взаимодействует с экологическим движением в науке и общественной практике – в Великобритании она является активным компонентом так называемых «зеленых студий» (Green Studies). Однако один из теоретиков новой литературно-критической стратегии Грег Гаррард справедливо заметил, что не следует отождествлять эти сферы деятельности: проблемы экологии в широком смысле требуют собственных методик и экспериментов в системе естественнонаучного и социального анализа. Изучение же экологических проблем в культуре – предмет гуманитарных исследований, целью которых является пересмотр ценностей общественной и индивидуальной морали. Интенсивность и успех таких исследований определяется уровнем развития экологического сознания в том или ином ареале и по-разному проявляется в зависимости от историко-культурных условий [см.: 11, p.18-19].

Экокритика активно развивается в Японии, есть ее последователи в русской американистике: в частности, всесторонний и глубокий анализ эволюции экологического сознания в литературе США принадлежит Е. Стеценко [8]. В украинский научно-критический контекст экокритика входит недостаточно активно, хотя попытки использовать имеющийся западный опыт в

этой сфере не прекращаются. Для современного поколения филологов важен обзор задач экокритики, предлагаемый Питером Барри [2]; с методологией Черилл Глоуфелти знакомит украинский перевод фрагмента ее статьи «Литература в эпоху экологического кризиса» [4]. Принципиально важно, что среди экологических катаклизмов конца 20 века, которые обусловили растущий интерес к проблемам окружающей среды, Ч. Глоуфелти называла последствия Чернобыльской катастрофы. Между тем, собственно экокритическое направление в украинском литературоведении только формируется, хоть привлекает специалистов разных литературоведческих школ [см.: 12; 7; 3; 9; 5]. Гуманитарная составляющая экокритических исследований в украинском литературоведении очевидна, и развитие этого направления остается актуальной задачей.

Понятие «экотекст» применительно к дискурсу экокритики не требует специального комментария, но за пределами «канона зеленых студий» термин используется все еще редко. Следует подчеркнуть, руководствуясь практикой его употребления, что к этой категории сначала относили достаточно специфичные литературные тексты, жанровую доминанту и художественную идею которых всецело определял мотив опасность существующей (или возможной) экологической катастрофы. Среди них, как правило, упоминают повесть-притчу Рейчел Карсон «Тихая весна» (Rachel Carson, *Silent Spring*, 1962), в которой автор представила катастрофические последствия химического загрязнения природных ресурсов. Сходными принципами руководствовался в романе «Экотопия» Эрнест Калленбах (Ernest Callenbach, *«Ecotopia»*, 1975): американский прозаик и критик мыслил более широкими категориями, призывая радикально пересмотреть современное потребительское отношение к ресурсам Земли. Э. Калленбах намеревался создать альтернативу консьюмеризму в области религии, философии и социальной практики. Авторы этого типа экотекстов нередко используют естественнонаучную информацию, тяготеют к литературной утопии и антиутопии, оперируют также кодами теологического дискурса (последнее особенно характерно для Э. Калленбаха)

К другому типу экотекстов принадлежат произведения, художественный замысел которых обусловлен антиглобалистскими настроениями – в этих литературных проектах человек и окружающая среда представлены в конкретном, к тому же, узнаваемом времени и пространстве. Нередко в основе таких текстов – рассказ о путешествии, в процессе которого персонаж переосмыслива-

ет свое видение контакта человека с природой. Показательным примером может быть роман известного нидерландского автора В.Ф. Херманса «Больше никогда не спать» (1966), повествующий об изменениях в сознании молодого голландского геолога во время путешествия на север Норвегии. Об открытии необычного и трансцендентного в привычном мире писала американка Анни Диллард в документальной повести «Пилигрим в Тинкер Крик» (1974): ее работа, к тому же, сопоставима с течением «нового регионализма», о возрождении которого в литературе США последней трети XX в. не раз упоминала критика. В текстах «нового регионализма» нередко возникает мотив ответственности человека за «кочок земли величиной в почтовую марку», соответственно, в них нередко отражается целый комплекс современных экологических проблем.

Связь экотекстов с историко-культурным контекстом отслеживает большинство экокритиков, – Г. Гаррард, К. Стеценко, авторы антологии, составленной Ч. Глотфелти. В то же время в монографических статьях интерпретация экотекста происходит в системе полижанрового анализа. Выбирая объектом критического анализа «Занавес из тортильи» (1995) Томаса Корагессена Бойла, констатируем, что для раскрытия экофилософской доминанты этого текста, в фокусе жанровых характеристик приходится учитывать также и другие аспекты творческой стратегии автора.

Томас Корагессен Бойл (р. в 1948 г.) – опытный американский литератор, а роман «Занавес из тортильи» справедливо называют поворотом в его творческой практике. Т.К. Бойл начинал как профессиональный рок-музыкант и взялся за литературное творчество в конце 1970-х гг. [см.: 13]: его дебют и в прозе, и в драматургии оказался успешным. В украинской американистике несколько публикаций Бойлу посвятила Марта Коваль, в частности, роману «Конец света», удостоенному в 1988 г. премии Фолкнера [6]. Т.К. Бойл сохранил интерес к экологическим проблемам также после публикации «Занавеса из тортильи» (в романе «Друг Земли» и в рассказах сборника «Зуб и коготь»)[см.:7]. Замысел «Занавеса из тортильи»[10] возник на основе личного опыта автора: Бойл долго жил на северо-востоке Америки, и «открытие» Калифорнии оказалось для него мощным стимулом для решения новых творческих задач. Автор избрал такой ракурс воспроизведения полиэтничного пространства этого региона, в котором реалии повседневного опыта вынуждают задуматься о метафизических проблемах.

О связях данного текста с «новым регионализмом» свидетельствует и название: тортилья – мексиканская лепешка из кукурузной муки, и испанское заимствование адресует читателя к пограничному пространству, откуда попадают на калифорнийскую землю мексиканские мигранты-нелегалы. Читатель начала XXI века, который открывает роман спустя два десятилетия после описанных в нем событий, оказывается в центре тех сложных процессов, которые в настоящее время безуспешно пытается урегулировать с помощью стены между США и Мексикой американский президент Дональд Трамп. Текст Бойла близок также американской прозе «калифорнийской школы» – выбор выразительно-эпиграфа из романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» предвосхищает социальные темы «Занавеса из тор-

тильи». Дж. Стейнбек еще в ранней повести «Квартал Тортилья-Флет» и в рассказах обращался к факту мексиканского присутствия в Калифорнии, и о его лирико-драматической трактовке этой темы напоминает линия Кандидо и Америки в романе Т.К. Бойла.

Название «The Tortilla Curtain» на паратекстуальном уровне вызывает также ассоциации с идиомой «the iron curtain»: эта политическая реалья середины XX ст. имплицитно передает чувство бесправия и несвободы. Бойл саркастично обыгрывает прямое значение образа «железного занавеса», и это задает роману тональность, которую автор в детальном интервью 2000 г. назвал горько-ироничной или откровенно сатирической. В комментарии замысла этого «несмешного» романа, в целом нетипичного для его прежней практики, Бойл раздумывал над природой комического в современном восприятии, вспоминал европейские образцы трагической иронии (например, у И.Во), но также и ее американскую версию, в частности, в текстах Фленнери О’Коннор. Эта ассоциация важна не только в оценке стилистических маркеров прозы Бойла, а и для предлагаемой транскрипции концептов экотекста в его произведении. Прозу Фл. О’Коннор, писательницы южной школы, пронизывает трагическое предчувствие Апокалипсиса, и именно этим мотивом обусловлен вектор раскрытия экологических проблем в анализируемом романе.

В последнее время едва ли не каждый год среди других природных катаклизмов мировые медиа пишут о масштабных пожарах в Калифорнии. Именно такое испытание станет центром конфликта в романе Бойла. В теоретических размышлениях об эпистемологии экотекста уже упомянутый Грег Гаррард неоднократно ссылается на Библию, на отраженный в ее постулатах путь от идиллии к Апокалипсису. Концепт Апокалипсиса как один из ведущих в англоязычной коммуникации в сфере экотематики рассматривает и современная лингвистика [см.: 1]. Этот образный концепт полифункционален и охватывает разные аспекты человеческого опыта. Очевидно, этим можно объяснить его значение как в художественных экотекстах рубежа XX-XXI столетий, так и в композиции романа Бойла.

По замыслу автора, в социальном и природном пространстве вблизи каньона Топанга, недалеко от Лос-Анжелеса, существуют две семьи. Эколог Дилени Моссбахер, его вторая жена Кира и пасынок Джордан живут в собственном доме на территории поселка Арройо Бланко (Белый ручей). Как и их соседи, Моссбахеры принадлежат к поколению успешных «юппи» и стремятся быть ближе к природе и подальше от цивилизации, прежде всего, от мегаполиса Лос-Анжелеса. На этом полюсе конфликта как будто царит идиллия. Территория Арройо Бланко идеально обустроена – перед читателем новейший вариант «сабурбии», модель быта среднего класса, весьма популярная в американской литературе и культуре. Надежно и демократично действует местное самоуправление, возглавляемое юристом-профессионалом, и его расистские по существу взгляды никого не беспокоят, поскольку все проблемы он решает быстро и умело. Поселок окружен изгородью из мелкой металлической сетки, которая не мешает Дилени созерцать пейзаж – его профессиональные функции эколога сводятся к тому, чтобы свои рефлексии по поводу природных явлений воплощать в специальной

колонке еженедельной местной газеты. В семейной идиллии Моссбахеров безо всяких осложнений состоялась смена гендерных ролей. Семью содержит Кира, успешно торгуя такой же изысканной недвижимостью, как ее собственные дом и участок. Все же домашние хлопоты – удел «либерального гуманиста» Дилени: воспитание и обучение Джордана, организация семейного быта и отдыха, заботы о здоровой, вкусной и полезной пище, с размышлений о которой начинается почти каждый раздел в линии Моссбахеров.

С мысли о еде, а точнее, с острого чувства голода, боли и дискомфорта начинается каждый день другая супружеская пара. В глухом закутке каньона Топанга неподалеку от поселка Арройо Бланко, возле того самого Белого ручья, вода в котором воняет гнилью, нелегальные мигранты – мексиканцы Кандидо и его юная беременная жена Америка – готовят примитивную еду на костре, боясь выдать свое присутствие дымом. Здесь не столько живут, сколько прячутся, бесправные и беззащитные не только перед миграционной службой, но и перед белыми американцами, как, впрочем, и перед своими криминализованными соотечественниками. На основе традиционного приема параллелизма Т.К. Бойл выстраивает образ жизни двух семей, умело акцентирует моменты сходства и контрасты. Избранная им форма контрапункта, в которой автор обходится без комментариев, благодаря полижанровой структуре романа позволяет автору объединить социальные, национальные, политические уровни конфликта.

Бойл напрямую сталкивает два центральных образа – Дилени случайно сбивает Кандидо на автострате. Двадцать долларов компенсации от невнимательного Моссбахера не могут залечить травм мексиканца, как не способны заглушить и угрызений совести «либерального гуманиста». Случайный инцидент на трассе запускает между тем особый механизм энтропии – шаткий баланс между мирами нарушен, и какие бы стены, границы, завесы не пытались возвести обе стороны, чтобы защитить свою идиллию, это оказывается невозможным: «загрязнение» стремительно нарастает и достигает масштабов Апокалипсиса.

Упомянутый нами Г. Гаррард не случайно оперирует экологической категорией «*pollution*», руководствуясь многозначной семантикой латинского глагола «*polluere*», среди значений которого – согрешить морально против принципов мироустройства [Garard 2004, 8]. Бойл же экстраполирует такой подход, испытывает его на разных уровнях структуры романа. Под давлением происходящего спадает маска либерала с Дилени: постепенно чувство его вины перед Кандидо перерастает в гипертрофированную агрессию против простодушного бедняка-неудачника, в котором он видит Чужого, Другого. Бизнес-леди Кира, сосредоточенная прежде только на собственных коммерческих делах, со страстью включается в проект возведения вокруг Арройо Бланко высокой и надежной ограды, глухая кладка которой должна защитить поселок и от койотов, повадшихся нападать на домашних любимцев, и от мексиканцев, которых «стало слишком много». Рушится идиллия и на другом полюсе конфликта – теряет веру в мужа искренняя и наивная Америка, близок к фатальному срыву и сам Кандидо – гротескный симулякр персонажа повести Вольтера, именем которого наделил его автор.

Человеческая комедия, по замыслу экотекста, неизменно влияет на жизнь природного окружения: в этой перспективе автор переосмысливает категорию природного ландшафта. Воспринимая природу не только как естественный фон действия, автор наделяет ее функцией самостоятельного и разрушительного феномена. Крах условной идиллии приводит к образованию пустыни (*wilderness*) – при этом современный американский прозаик отказывается от романтического восприятия природы как средоточия гармонии, воссоздавая образ грядущего Апокалипсиса. Длительная жара настолько высушила землю, воздух и растения, что одной искры от костра Кандидо и Америки в день Благодарения оказывается достаточно, чтобы запылало соседнее дерево, и огонь молниеносно охватил весь каньон. От природного бедствия жителей поселка Арройо Бланко не защитит никакая стена: паника во время их массовой эвакуации под звук полицейских сирен, беспомощность всей «достойной» публики стремительно трансформируется в слепое бешенство разъяренной толпы, готовой линчевать кого бы то ни было, на кого падет подозрение в поджоге.

Не только убежище мексиканцев уничтожил огненный вихрь – толстый слой пепла покрыл поселения, которые расположены далеко от выгоревшего каньона. Согласно законам природного равновесия, на смену обезвоженной воздушной массе приходят атмосферные фронты с сильнейшими ливнями. Бойл, изображая эту природную закономерность, обходится без комментариев, но развитие сюжета на самом деле обусловлено объективными природными процессами. На покрытых пеплом участках, согласно научным данным, возрастает степень абсорбции водных масс. Долгие и щедрые дожди над Арройо Бланко обернутся новой катастрофой – появлением селевых потоков и разрушительных грунтово-оползней.

Роман Бойла стремительно приобретает черты «романа катастроф». Развитие мотива природного Апокалипсиса меняет и нарративную структуру финала. Основная часть романа представляет собой монтаж точек зрения главных персонажей. Несобственно-прямая речь, внутренние монологи, элементы ретроспекций, нередко с ироническим подтекстом, передавали личностные реакции на вызовы окружающего мира. Но в заключительной части автор неслучайно заменил стиливую многоплановость всезнающим, гетеродиегетическим нарратором. Повествование отчужденно воспроизводит движение селевого потока, который сносит все на своем пути: вырывает из рук Америки ее новорожденную слепую дочь, но все же прибывает беспомощную женщину к Кандидо, и им удается выбраться на крышу местной почты. Две дрожащие фигурки, оцепенев от пережитого кошмара, замирают на спасительном островке. Однако в момент, когда из потока, несущегося мимо них, внезапно возникает лицо белого, а за крышу цепляется его рука, Кандидо молча протягивает навстречу свою руку. Собственно, этот жест – единственный намек на возрождение человечности в пост-апокалиптическом мире. Он важен не так на уровне персонажной сферы – доверчивый Кандидо не раз проявлял чувство ответственности не столько за себя, сколько за других. Символический жест, которым Бойл завершает повествование, можно интерпретировать в более широком смысле.

В полижанровой структуре романа «Занавес из тортильи», на первый взгляд доминируют социальные и этнокультурные компоненты конфликта, но в нем изначально присутствует скрытый концепт апокалипсиса. Последний существует не только в сознании чуткого читателя: автор по-своему использовал другие категории экофилософии – концепты идиллии и пустоши (wilderness). Идиллия в контексте романа условна, и Бойл последовательно развенчивает ее, ибо жители благополучного Арройо Бланко так же не осознают фальши в основах своей формы существования, как и цепляющиеся за эфемерную надежду на удачу завтрашнего дня обитатели каньона Топанга. Поэтому концепт «wilderness» в экофилософском понимании – не только пустоши, но и духовной пустыни, присутствует не только в пространстве и времени катастрофы, но имплицитно

проходит через весь текст. Бойл не приемлет романтического понимания природной среды, которая призвана очищать тело и душу: Дизайнерские проекты Киры, демагогия Дилени, добрые намерения и искренние иллюзии мексиканской пары не способны противостоять стремительному перерождению основ бытия. Следует все же отметить, что в трактовке природного апокалипсиса, интерпретируя ее как метафизическую расплату человеческого сообщества за моральное падение, Т.К. Бойл все же воздерживается от фатализма – именно об этом свидетельствует открытый финал философского конфликта в анализируемом тексте. На рецептивном уровне организующая роль в раскрытии морально-философских, в частности, экофилософских идей текста принадлежит концепту Апокалипсиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабире О.В. Концепт «Апокалипсис» у текстах на екотематичку // Мовні та концептуальні картини світу. Зб. наук. праць. – Вип.46. – Ч.1. – К.: ВПЦ «Київський ун-т», 2013. – С. 112-124.
2. Баррі, Пітер. Екокритика.// Баррі, П. Вступ до теорії: літературознавство та культурологія / Пер. з англ. О.Погинайко; наук.ред. Р. Семків. – К.: Смолоскип, 2008. – С. 292 - 319.
3. Горболіс Л.М. Екокритичні виміри української літератури: доцільність і прийнятність застосування (на прикладі «Лисові пісні» Лесі Українки) // Філологічні трактати. – 2011. – Т.3, №3. – С. 5-10.
4. Глотфелті, Черілл. Літературознавство в добу екологічної кризи / Пер. Ю. Войтенко // Надлітературність: сучасна західна теорія / пер.з англ.; за ред. О. Собчука. – К.: НаУКМА; Аграр Медіа Груп, 2012. – С.10-27.
5. Жлуктенко Н.Ю. Структури екотексту в романі Т. Коррагессена Бойла «Завіса з тортильї» // Літературознавчі студії. Зб. наук. праць – Вип. 37; ч.1 – К.: ВПЦ «Київський ун-т», 2013. – С.287-295.
6. Коваль, Марта. Травматична пам'ять і семантика страждань у романі Т.Коррагессана Бойла «Кінець світу» // Від бароко до
- постмодернізму. Зб.наук.праць. – Вип.ХІ. – Дніпропетровськ, 2007. – С. 203-208.
7. Коваль, Марта. *All the wrecks I've crawled out of*: наративна поліфонія короткої прози Т.К. Бойла // Американські літературні студії в Україні. Вип.7. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2012. – С.172-181.
8. Стеценко Е.А. Экологическое сознание в современной американской литературе.– М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 302 с.
9. Ткачук, Микола. Людина і природа в українській літературі крізь призму екокритики // Дивослово. – 2011. – № 6. – С. 52-56.
10. Boyle T. Coraghessen. *The Tortilla Curtain*. – London: Bloomsbury Publ., 1995. – 355 p.
11. Garrard, Greg. *Ecocriticism*. – London: Routledge, 2004. – 224 p.
12. Sukhenko I. From nature beliefs to the politicized ecocriticism: a brief glance on Ukrainian eco-imperatives formation // Вісник Дніпропетровського ун-ту ім. Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки» – 2015 – №2(10) – С.33- 38.
13. T. Coraghessen Boyle, interviewed by Elizabeth E. Adams // *Paris Review*. – Summer 2000. – No. 155.

REFERENCES

1. Babyre O.V. Concept of Apocalypse in the Texts on Environmental Issues // Linguistic and Conceptual Images of the World. – Issue 46. – P.1. – Kyiv: Kyiv University Press, 2013. – pp.112-124.
2. Barry Peter. Ecocriticism // Barry Peter. An Introduction to Literary and Cultural Theory / Trans. by O. Pohynayko. – Kyiv: Smoloskip, 2008. – pp. 292 -319.
3. Horbolis L. Ecological Dimensions of Ukrainian Literature: Reasons for and Acceptability of Implementation (On the Example of *Lisova pisnia* by Lesia Ukrainka) // Philological Tractate. – 2011. –V.3. – No.3. – pp. 5-10.
4. Glotfelty, Cheryll. Literary Studies in the Age of Environmental Crisis / Trans. by Julia Voytenko // *Overlitterariness: Recent Western Theory*. – Kyiv: National Kyiv Mohyla Academy; Agrarian Media Group, 2012. – pp. 10-27.
5. Zhluktenko N.Yu. Structures of Ecotext in *The Tortilla Curtain* by T.K.Boyle // *Literary Studies*. – Issue 37. – P.1 – Kyiv: Kyiv University Press, 2013. – pp. 287-295.
6. Koval, Marta. Traumatic Memory and Semantics of Suffering in T.C. Boyle's Novel *World's End* // *From Baroque to Postmodernism*. – Vol. XI. – Dnipropetrovsk, 2007. – pp. 203-208.
7. Koval, Marta. *All the Wrecks I've Crawled out Of*: Narrative polyphony in T.C.Boyle's Short Stories // *American Literary Studies in Ukraine*. – Issue 7. – Kyiv: Publishing house «Kyiv-Mohyla Academy», 2012. – pp. 172-181.
8. Stetsenko E.A. Ecological Consciousness in the Contemporary American Literature. – Moscow: IMLI RAN, 2002. – 302 p.
9. Tkachuk M. Human and Nature in Ukrainian Literature in the Perspective of Ecocriticism // *Wonderword*. – 2011. – No.6. – pp. 52-56.

Concepts of ecotext in T.C. Boyle's novel *The Tortilla Curtain*

Н. Ю. Zhluktenko

Abstract. The article is based on the principles of ecocriticism as a relatively new tendency in literary studies in Ukraine. A novel by a present-day American writer T. Coragessen Boyle *The Tortilla Curtain* has been treated in the perspective of ecocritical interpretation, with a stress on the concepts of ecophilosophy. It is proven that the concept of apocalypse is the most important structural element that influences the implementation of the novel's message – an appeal to human responsibility and to global revision of understanding the cause of ecological catastrophes.

Keywords: *ecocriticism, ecotext, concept, idyll, apocalypse, new regionalism.*